

ЭВЕРЕТТ ЧЕРРИНГТОН ХЬЮЗ

НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ*

В этой статье показывается, что институты должны изучаться в соотношении друг с другом и что в поле зрения должны включаться не только институты, положительно оцениваемые с моральной точки зрения. Трактую институты с точки зрения удовлетворения нужд и распределения различных благ и услуг, Хьюз вводит в сферу внимания институты, удовлетворяющие нелегитимные нужды и нелегитимно удовлетворяющие легитимные нужды. Он называет их незаконнорожденными. В качестве примера выводится весь ряд институтов — легитимных и незаконнорожденных, — выстроенных вокруг удовлетворения сексуальных нужд. Рассматривая разные виды институциональных девиаций, Хьюз показывает, что они могут происходить не только в «дьявольском», но и в «ангельском» (или «героическом») направлении.

It is demonstrated in this paper that institutions must be studied in their relations to each other and that in the study of institutions those, which are morally acceptable, are not the only ones that must be taken into account. While treating institutions as satisfiers of wants and distributors of various goods and services Hughes includes within the scope of analysis those institutions which satisfy illegitimate wants and those which satisfy legitimate wants but by illegitimate ways. He speaks of them as of bastard institutions. This approach is illustrated by a whole range of institutions, both legitimate and bastard, built up around the satisfaction of sexual wants. In the consideration of various institutional deviations Hughes shows that they can be in the “saintly” or “heroic” direction as well as in the “devil’s” one.

Ключевые слова: институты как удовлетворители нужд, распределение, легитимность, незаконнорожденные институты, институциональные девиации в «дьявольском» и «ангельском» направлении.

Keywords: institutions as satisfiers of wants, distribution, legitimacy, bastard institutions, institutional deviations in “devil’s” and “saintly” directions.

Институты распределяют блага и услуги; это легитимные удовлетворители легитимных человеческих нужд. Распределяя религию, игру, искусство, образование, пищу и питье, жилье и другие вещи, они также определяют стандартными способами, в чем людям подобает нуждаться. Определение того, что подлежит распределению, хотя и может быть весьма широким и довольно гибким, редко — если вообще когда-нибудь — полностью устраивает людей всех видов и состояний. К тому же институты фактически решают обслуживать лишь определенный круг людей; так по-

* Регулярная лекция по курсу «Социальные институты», Чикагский университет, 26 ноября 1951 г. Впервые опубликована в сборнике: *Hughes E. C. The Sociological Eye: Selected Papers.* Chicago, N.Y., 1971. P. 98-105. Перевод выполнен с этого издания.

стует, например, магазин, когда решает не торговать рубашками слишком больших размеров и странных фасонов. Распределение никогда не бывает полным и совершенным.

Некоторые институты возникали как порождение коллективного протеста против институционализированного определения тех или иных услуг, функций или благ. Один из видов протеста — сектантский: протест против той разновидности религиозной доктрины и экспрессии, которая распределяется официальным духовенством. Это может быть протест против определения религиозной практики, против способа ее распределения или против предполагаемых связей и идентификации церкви и ее функционеров с материальными интересами некоторых социальных классов. Другим таким протестом был протест против установленного определения образования классическими колледжами. Из этого протеста вышли новые образовательные предприятия, такие, как сельскохозяйственные колледжи, ориентированные на какую-то одну ясно определенную цель. Со временем такие институты регрессировали к тем самым паттернам, против которых они бунтовали и от которых они отходили. Установленные институциональные паттерны — тайные капканы, в которые могут попасть даже самые лучшие из протестных предприятий.

Но есть еще и другие хронические девиации от установленных институтов, другие виды бегства из легитимных русел. Есть хронические девиации и протесты, некоторые из них длятся поколениями и веками. Они могут приобрести некоторую стабильность, хотя и не имеют опоры в открытой легитимности. Они функционируют без поддержки закона, но часто при попустительстве правового истеблишмента. Они могут находиться вне царства респектабельности.

Назовем их *незаконнорожденными институтами* (bastard institutions). Некоторые из них являются нелегитимными распределителями легитимных благ и услуг; другие удовлетворяют нужды, не считающиеся легитимными. К числу незаконнорожденных институтов относятся азартные игры, проституция (вторая древнейшая профессия), рэкет, черные рынки (будь то младенцев для усыновления, продуктов питания или иностранной валюты), скупка краденого, профессиональная преступность, бутлегерство (нелегальное распространение спиртных напитков, наркотических препаратов, запретной литературы). Все это принимает организованные формы, мало отличающиеся от организованных форм других институтов. Гомосексуальность принимает некоторые вполне стабильные формы: гомосексуальное домохозяйство, клубы, кабаре и т.п.

Суды «кенгуру» в тюрьмах и армейских подразделениях и суды «тонгов» в ранних чайнатаунах вершили правосудие партикулярной группы, не принявшей установленную юстицию или не доверяющей ей. Народное правосудие фронта и личеования, которые продолжались в некоторых южных штатах до 1920-х гг., были незаконнорожденными институтами, официально нелегитимными, но в высокой степени конвенциональными и находящими опору в общественном мнении. У преступного мира есть свои тайные суды для наказания посягательств на его правила и интересы, а когда в страну вторгается враг, подполье (партизаны) может судить и казнить предателей.

На краю легитимного распределения медицинских услуг мы видим так называемое знахарство. На задворках образовательных учреждений вырастают репетиторские школы, которые готовят учащихся к поступлению в университеты или помога-

ют сдать экзамены, нужные для получения права адвокатской практики. За воротами военных центров, рядом с пригородами среднего класса, допускающими употребление, но не продажу спиртных напитков, и прямо на задворках утопических индустриальных поселков ютятся «кутежные городки», где люди могут удовлетворить свои слишком человеческие нужды. Наверное, ад – это кутежный городок рая.

Некоторые из этих незаконнорожденных институтов прямо противоречат закону или декларируемым моральным ценностям общества. Они находятся в прямом конфликте с принятыми определениями и институциональными мандатами. Другие предлагают не вполне респектабельную альтернативу установленным распределителям или позволяют людям удовлетворять какую-то скрытую слабость или идиосинкразический вкус, которые не удовлетворяются и несколько неодобрительно оцениваются этими распределителями. Третьи просто дают человеку способ получить что-то, недоступное таким, как он, людям в преобладающей институциональной системе. Они исправляют недостатки, заключенные в институциональном определении и распределении.

Каковы бы ни были эти незаконнорожденные предприятия и что бы ни было между ними общего, их необходимо изучать не просто как патологические отклонения от чего-то хорошего и правильного, а как часть тотального комплекса человеческих действий и предприятий. Вдобавок к тому, на них необходимо смотреть как на такие порядки вещей, в которых мы можем увидеть социальные процессы в их протекании; и это, возможно, те же процессы, которые мы находим в легитимных институтах. Вебера интересовало, как нелегитимное становится легитимным, но он не особо интересовался тем, каким образом хронически нелегитимные предприятия людей продолжают существовать и по какому маршруту они движутся в своей попытке выжить в противовес легитимным определениям поведения. Некоторые из этих феноменов интересовали Парка. В последние годы жизни он особенно интересовался подпольными преступными мирами крупных городов мира. Он считал, что в них возникают необычные смеси людей, которым приходится для того, чтобы выжить, каким-то образом устанавливать между собой социальный порядок при минимальном обращении к полиции и закону. Ввиду используемых ими сомнительных способов жизнеобеспечения, им неразумно привлекать без нужды агентов закона. А в силу разнородности их происхождений, традиций и языков они не могут брать обычные нормы какого-то одного из элементов как основу для определения своих правил поведения.

Институты можно описать как созданные самим человеком способы, или модальные точки, поведения в областях, в которых могло бы быть много иных способов поведения, нежели модальный. Способ, конечно, есть точка в распределении. Институты имеют тенденцию накапливать поведение в модальной точке, определяя надлежащее, применяя санкции против отклоняющегося поведения и предлагая людям механизмы поставки только стандартизированных возможностей и услуг. Однако, собирая поведение в кластеры, институты не уничтожают полностью девиаций.

Брак, например, есть модальный способ организации отношений между мужчиной и женщиной как сексуальными партнерами и как родителями и воспитателями детей. Но не все мужчины и женщины вступают в брак, и не все из тех, кто вступает, ограничивают половое общение брачными партнерами. Некоторые из тех, кто не вступает в брак, имеют, тем не менее, сексуальных партнеров или, по крайней

мере, какие-то случайные половые связи. Брак всегда определяется как устойчивое отношение не просто между мужчиной и женщиной, а между мужчиной определенного класса, исповедания, этничности, возраста, с определенным доходом и родственными связями и женщиной с соответствующими, хотя не всегда такими же характеристиками. Короче говоря, есть люди, являющиеся друг для друга подходящими партнерами. Кроме того, говорит Маргарет Мид в книге «*Мужское и женское*» [2], только у такого примата, как человек, самцы кормят, одевают и обеспечивают кровом своих самок. Способность обеспечить их этим распределена в мужском населении неравномерно. Эти факторы, сочетаясь со склонностью мужчин и женщин передвигаться с разной скоростью и скапливаться в относительной изоляции друг от друга, ведут к тому, что есть много людей, для которых не оказывается в близкой доступности подходящих брачных партнеров, и людей, которые не могут связать себя брачными обязательствами, не лишив себя тем самым других вещей, которые они ценят. В Янки-Сити женщины из высшего класса, братья которых немного менее привередливы в вопросе о том, на ком им жениться, часто остаются без партнеров. Мужчины фронта и портов, моряки и военные могут находиться далеко от мест скопления женщин, с которыми можно было бы ожидать женитьбы. Затяжная оккупация всегда приносит некоторое облегчение, порождая иногда новые определения того, что такое приемлемый брачный партнер; свидетельством служат японские жены американских «джи-ай». В сегодняшней Англии, как обнаружил Раунтри в исследовании «*Английская жизнь и досуг*» [3], многие мужчины из среднего класса, не имея возможности вступить в брак без падения на низший классовый уровень в стиле жизни и своих социальных связях, просто вступают в более или менее тайные связи с женщинами, находящимися в схожем положении, которые, продолжая себя обеспечивать, охотно идут на такие связи, вместо того чтобы вести жизнь изолированных карьеристок среди других таких же карьеристок. Некоторые опрошенные мужчины признались, что просто ходили к проституткам, так как проститутка не предъявляет на мужчину прав. У любовницы могли бы сложиться со временем ожидания жены, а мужчина мог бы ощутить эти ожидания как обязательства. С какой-то точки зрения, причем совершенно справедливо, можно говорить о браке как о механизме распределения мужчин между женщинами и наличных женщин между мужчинами. К фактам сегодняшней жизни английского среднего класса термины распределения подходят, видимо, уже не так хорошо, как прежде.

Итак, древний институт проституции есть один из организованных способов, с помощью которых компенсируются недостатки распределения выбора полового партнера. Наиболее очевидные сосредоточения публичных домов встречаются там, где образуются скопления мужчин, оторванных от дома: вдоль набережных и портовых районов городов; в районах притонов, куда лесорубы и рабочие крупных строительных предприятий, работающие в горах или лесах, отправляются отдохнуть от замкнутости и монотонности барачной жизни в чисто мужском кругу; вокруг гостиниц, от ночлежек до дорогих отелей; в окрестностях военных учреждений. Хотя к проституции, по крайней мере, в западном мире, относятся всегда неодобрительно, она неизменно обнаруживается, и чаще всего мы находим ее там, где распределение мужчин и женщин резко отклоняется от численного равенства и социально-статусной совместимости. (Майнер, кстати говоря, обнаружил в изученном им франко-канадском сельском приходе, где считалось, что молодым людям не пристало же-

ниться, не имея гарантированного места работы или участка земли, более или менее терпимое отношение к тому, что одна замужняя женщина в деревне на протяжении многих лет занималась проституцией.)

В сексуальных отношениях есть еще один недостаток распределения. Вследствие самого морального кодекса, впитанного в детстве, причуд и случайностей темперамента, воспитания и личного опыта нередко оказывается, что люди, являющиеся во всех прочих отношениях подходящими брачными партнерами, взаимно не удовлетворяют друг друга как сексуальные партнеры. Этот дефект компенсируется как различными дозволенными, так и различными нелегитимными (в общественной оценке) способами приспособления, развиваемыми и практикуемыми в разные времена и разными классами людей.

Это подводит меня к другой стороне той же проблемы, которую мы обычно не рассматриваем в связи с такими неодобряемыми вещами, как проституция. Ведь проблема институционального (легитимного) и незаконнорожденного (нелегитимного) в любом аспекте жизни и поведения не обсуждена, пока в поле зрения не вовлечено отклонение от институциональной нормы и от установленного способа распределения мужчин и женщин не только в дьявольском, но и в ангельском, или праведном, направлении. Так вот, на очень простом уровне анализа причина того, что проституция оказывается столь живучим установлением, состоит в том, что она требует очень небольшого количества женщин для очень большого количества мужчин. Это экономичное использование небольшого числа доступных, в двух смыслах, женщин. Нет аналогичного противоположного установления, посредством которого один мужчина распределялся бы между большим числом женщин, хотя в современных промышленных организациях, больницах, конторах, школах и т.д. бывает так, что они собраны в больших количествах вокруг мужчины или небольшого числа мужчин, занимающих вышестоящие позиции и, несомненно, становящихся для этих женщин в какой-то мере заменителями мужей во многих аспектах их взаимоотношений. Из наблюдений за школьными учительницами и гражданскими служащими можно, по всей вероятности, заключить, что мужчина, номинально являющийся их начальником и выполняющий чисто бюрократические функции, не становится объектом женской опеки и нежных чувств, а оказывается в глазах женщин всего лишь самым неудовлетворительным из всех существ мужского пола, «старухой в брюках». В то время как организация бизнеса и промышленности, таким образом, предлагает очень многим женщинам долю в мужчине (часто, возможно, лучшим по сравнению с теми, которых они могут подцепить на брачном рынке), остается истиной то, что в нашем обществе очень много незамужних женщин, не обреченных темпераментом и призванием на девственность. (Как заметил недавно декан одной из школ медсестер, ничего не дает даже попадание в университетский госпиталь с очень большим числом интернов. Юноши сегодня приходят в медицинскую школу уже женатыми. Это удар по женщинам, собирающимся использовать свои профессии для того, чтобы встречаться с мужчинами.)

Домохозяйство, состоящее из нескольких совместно проживающих карьеристок, в котором (хотя все работают) существует некоторое домашнее разделение труда, не сильно отличающееся от того, которое существует между мужем и женой, остается по существу неизученным институтом (назову его так), развившимся в результате неправильного распределения мужчин и женщин в условиях институцио-

нализированной моногамии. Это не незаконнорожденный институт в крайнем смысле, но таковой в нем часто подозревают. Люди, отклоняющиеся от ожидания в ангельском направлении, но вопреки желанию и без всякого призвания к святости, люди, оказывающиеся в положении, когда им приходится быть лучше, чем им самим бы хотелось, или лучше, чем кто-либо был бы вправе от них ожидать, образуют группу, которую редко кто изучает, хотя для полного понимания того, как действуют моральные кодексы как реализующиеся институциональные определения и действительные распределения, их случай представляет особый интерес. (Говорят, у них есть предрасположенность к артриту.) Особенно важно было бы выяснить, в каких точках развивается некоторая институционализация приспособлений к положению, в котором приходится быть лучше, чем самому бы хотелось. В некоторых странах имеется некоторая институционализация старых дев в традициях дня св. Катерины. В этот день дети звонят в двери к женщинам, признанным старыми девами, и те раздают им леденцы, специально припасенные к этому случаю. Внутри у них, должно быть, польхает, когда они решают загодя запастись на этот случай конфеткой из сахара, признав тем самым свое состояние. Бывает, соседские детишки, подбиваемые матерями, навязывают этот статус старой деве, слишком долго цепляющейся за свою молодость.

За этим стоит — по крайней мере, снаружи — институционализация celibата во имя религии, духовный брак мужчины или женщины с церковью, сопровождающийся всеми символами и языком человеческого брака. Некоторые отмечают, что сын, посвященный Господу матерью, защищен от попадания в когти любой женщины-соперницы. Но не это я собираюсь здесь обсудить. Для нас важнее то, что религиозный celibат есть реализация в институциональной форме отклонения от брака в ангельском направлении — отклонения, рационализируемого в терминах предположительно высших ценностей, более-высоких-чем-обычные идеалов человеческого поведения. Функция такого института для индивида может быть ясна; эти институты позволяют ему подойти к некоему идеалу ближе, чем это возможно в миру и в браке. Подчеркиваю: именно *позволяют*, ибо мир обычно считает, что человеку странно вести такую жизнь без специальной декларации, без прикрепления к постоянной организации, посвященной этому особому отклонению от нормального образа жизни. (Кстати говоря, не стоит пренебрегать упоминанием того, сколь часто в историях знаменитых монахинь рассказывается о том, как они бегут с бала, где их возлюбленные оказывают слишком много внимания кому-то другому, в монастырь и, прибежав туда, бросаются на руки матери-настоятельницы. По легенде, они остаются, чтобы самим стать матерями-настоятельницами. Всегда есть истории о девушках, проходящих в монастырь после гибели своих женихов в море или на войне.)

Если отложить это в сторону, институты celibата предлагают декларированный, установленный и принятый способ неприятия модальной нормы поведения — возможно, более благородный и более удовлетворяющий способ примирения с судьбой, на которую обрекает дефект распределения, заключенный в существующих институтах. Можно также рассматривать их как институциональное обеспечение тех высших огоньков идеализма, которые, порождаясь установленным учением о добродетелях, не предусматриваются в модальных определениях, к которым обычно пристегнута институциональная машинерия. Подчеркнем четче, чем было сделано раньше, что общество очень часто принимает такую девиацию в организованной

институциональной форме, тогда как вряд ли приняло бы ее в обособленном индивидуальном поведении. В последние десятилетия, ставшие временем больших войн, западные страны были все более и более склонны рассматривать военную службу как долг каждого мужчины и вместе с тем принимать в какой-то мере пацифизм некоторых исторических религиозных сект. При этом они сурово относились к индивиду, когда он на свой страх и риск приходил к пацифистской философии и пацифистскому поведению или считал себя индивидуально призванным последовать примеру Христа и подставить вторую щеку. Индивидуальная девиация может представляться угрозой всей принятой системе; организованная же девиация может выглядеть специальной адаптацией самой системы, чем-то вроде маленького особого примера того, на что способны люди. Институциональные ангелы могут выполнять искупительную роль заступничества за всех нас на небесах. И, тем не менее, общественность почти всегда упирается, когда святые, не довольствуясь ролью символических образцов добродетели, стремятся стать активными лидерами.

Важный аналог этого мы находим в ересях. Один исследователь средневековых ересей предполагает, что одним из видов ереси была доктрина, согласно которой все люди в жизни должны абсолютно и без изъятия соответствовать некоторому идеалу добродетели, провозглашенному для всех церковью [1]. Допустим, кто-то заявляет, что любые половые связи греховны, и делает вывод, что людям грозит геенна огненная, если они женятся; или превращает добродетель поклонения священной Гостии, предписываемую всем, в мандат, обязывающий всех проводить почти все время на коленях перед алтарем, пренебрегая земными обязанностями. Церковь объявила бы это ересями, — утверждает данный автор, — поскольку общество, а, следовательно, и церковь были бы погублены столь крайним и абсолютным практическим претворением какой-то одной добродетели. Церковь могла бы далее настаивать, что подлинные добродетели должны быть соразмерены друг с другом ради жизни человека. Но и без того ясно, что общество идеализирует в утверждениях и символической репрезентации степени добродетели, которые на самом деле не могут быть реализованы всеми или не поддаются реализации в сочетании с другими добродетелями и в обстоятельствах текущей реальной жизни. Видимо, общество позволяет некоторым людям подойти к этим уровням той или иной добродетели в институционализированной форме, обеспечивающей как духовный подъем, так и удовольствие видеть своими глазами образец святости, без той персональной угрозы, которая проистекала бы из преподнесения индивидуальной святости как чего-то, примеру чего мы все должны последовать, и без социальной угрозы заразительного образца. Святость святого должна быть заразительна, но только чуть-чуть, так чтобы лишь немногие подхватывали ее столь же капитально, как он, тогда как остальные, даже неминуемо ее подхватывая, заражались бы ею лишь в более легкой форме. С функциональной точки зрения, эти явно героические девиации состоят в паразитической связи с остальной жизнью: они плодятся внутри, являются продуктами и питаются соками более крупного и менее героического организма.

Набрасывая вопросы для сегодняшнего обсуждения, я собирался лишь упомянуть, но не обсуждать так глубоко незаконнорожденные заменители брака. И уж несколько не планировал анализировать отклонение от нормы институционализированной добродетели в более-чем-модальном ключе. Во всяком случае, я почти ничего по существу не сказал о многих социальных феноменах, к которым можно

было бы применить термин «незаконнорожденный институт»; некоторые из них я назвал в начале. Прототипом всех незаконнорожденных институтов является, пожалуй, то, что было названо «рэкето́м». Он выглядит паразитическим наростом на тенистой стороне институционального дерева в самом что ни на есть подлинном смысле слова. По зрелом размышлении, обсуждение этой проблемы лучше пока отложить. То, что я отклонился от намеченного плана, надо сказать, нисколько меня не огорчает, ибо, как мне кажется, мы сделали нечто не совсем обычное для социологических обсуждений: мы взяли некий материал, некий аспект человеческой жизни, в высокой степени институционализированный и являющийся объектом мощного морального санкционирования, и обсудили весь спектр поведения по отношению к нему: институционализированные нормы и отклонения от нормы в различных направлениях. Не скажу, что мы охватили взглядом все отклонения; такой цели перед нами не было. Но мы увидели норму — институционально определенные и распределенные отношения между взрослыми мужчинами и женщинами — как особую точку в более полном диапазоне возможного и действительного поведения и показали как минимум некоторые возможные функциональные связи между тем, что установлено, и девиацией в незаконнорожденном и ангельском направлениях.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aegerter E.* Les hérésies du Moyen Age. Paris, 1939.
2. *Mead M.* Male and Female. N.Y., 1949; Mentor Book, 1955 (рус. пер.: *Мид М.* Мужское и женское: Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М., 2004).
3. *Rowntree B.S., Lavers G.R.* English Life and Leisure. N.Y., 1951.

ПОЛ ФЕЙЕРАБЕНД

НАУКА В СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

«Наука в свободном обществе» (1978) — второе значительное произведение известного американского философа науки Пола Фейерабенда, представляющее собой развитие некоторых идей, высказанных в его главном труде «Против метода» (1975). Опираясь на большой историко-научный материал, Фейерабэнд показал, что творцы науки Нового времени и крупные ученые в своем творчестве нарушали все известные правила и стандарты научного метода. Рациональность представляет собой одну из многих традиций, а не стандарт, с которым должны сообразоваться все традиции.

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: vnik1968@vandex.ru.

* *Продолжение.* Начало см.: 2008. Т. 10. Вып. 5-6 (44-45); 2009. Т. 11. Вып. 1 (46-47); Вып. 2 (48-49). Перевод выполнен с источника: *Feyerabend P.K.* Science in a free society. London, 1978.